

Сервантес Сааведра Мигель де

**Дон-Кихот Ламанчский, рыцарь печального
образа и рыцарь львов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С12

С12 **Сааведра Мигель де С.**
Дон-Кихот Ламанчский, рыцарь печального образа и рыцарь львов / Сервантес Сааведра Мигель де – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 78 с.

ISBN 978-5-519-85402-3

ISBN 978-5-519-85402-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

І.

— Полноте, господинъ Кихада, и что вамъ за охота возиться съ этими дрянными книженками, сведуть онѣ васъ съ ума! съ безпокойствомъ говорила низенькая, толстая женщина высокому, длинному, худому человѣку лѣтъ пятидесяти, стоявшему посреди комнаты съ книгою въ одной рукѣ, съ огромнымъ мечемъ въ другой.

— Презрѣнный великанъ! торжественно говорилъ Кихада, — оружіе мое побѣдило тебя, ты обязанъ быть отнынѣ моимъ рабомъ; клянись служить мнѣ вѣрою и правдою, если не хочешь сейчасъ же разстаться съ жизнію!

И съ дико сверкавшими глазами онъ занесъ оружіе надъ головою испуганной женщины. Она успѣла въ-время отстраниться и выбѣжать изъ комнаты.

— Посмотрите сами, господинъ пасторъ, — сказала она плотному, невысокому человѣку въ пасторской рясѣ, ожидавшему ее въ сосѣдней комнатѣ, — нашъ баринъ совсѣмъ зачитался своихъ книгъ, онъ ужъ больше ничего не понимаетъ, цѣлые дни просиживаетъ за своею тарабарщиною.

Заглянувъ въ кабинетъ, пасторъ тоже покачалъ головою. Кихада, между тѣмъ, не замѣчая присутствія постороннихъ, сѣлъ въ кресло, подперъ голову рукою и глубоко задумался.

„Да, рыцари, о которыхъ я сейчасъ только читалъ, были настоящіе, великіе люди! „думалъ онъ,, эти рыцари жили не для себя, а для ближняго, для всего міра совершали они подвиги, и какіе подвиги! Сироты, слабыя, беззащитныя женщины, притѣсненные, угнетенные, оскорбленные — всѣ пользовались ихъ защитою, за то они и достигали славы, почестей, независимости — а теперь! Каждый живетъ въ своей норѣ, не

заботясь о благѣ ближняго; на каждомъ шагу кроется неправда, каждый уголокъ земли обгаренъ невинною кровью, и никто не защищаетъ слабыхъ, никто не совершаетъ подвиговъ... Развѣ трудно стать рыцаремъ? Надо только отбросить въ сторону лѣнь, заботу о насущномъ хлѣбѣ, о своемъ углѣ и — выѣхать въ обширный Божій міръ... Дѣла найдется довольно, была бы охота!"

Кихада опять съ жаромъ принялся за чтеніе заманчиваго романа съ рыцарями, поединками, великанами и заколдованными принцессами. Его разстроенному воображенію такъ живо представлялись сказочныя событія, о которыхъ онъ читалъ, что онъ и самого себя смѣшивалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ рыцаремъ; стѣны кабинета пропадали, представлялись его распаленному мозгу тѣмъ, что ему хотѣлось видѣть: онъ рубилъ стулья и столы, воображая, что поражаетъ чародѣевъ и злыхъ рыцарей. Онъ такъ сжился со своими видѣніями, что дѣйствительный міръ пересталъ для него казаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ; все окружающее не привлекало болѣе его вниманія, онъ жилъ только тогда, когда читалъ свои любимыя книжки, когда воображалъ себя ихъ героемъ, защитникомъ правды и добра.

Кихада былъ бѣдный испанскій дворянинъ и владѣлъ очень небольшимъ имѣніемъ въ провинціи Ламанчѣ. Доходовъ съ его имѣнія едва хватало на пищу и питье; день изо дня приходилось ему ѣсть одну и ту же похлебку изъ тощаго кусочка говядины да чечевицу, а жаркое изъ голубя или изъ какой-нибудь дичины считалось лакомымъ блюдомъ и приберегалось только для воскресенья. На этотъ незатѣйливый столъ уходило, однако, три четверти его доходовъ, остального же едва хватало, чтобы сколько нибудь сносно одѣться. Дворянинъ Кихада одѣвался не богаче какого-нибудь зажиточнаго крестьянина; ему приходилось носить цѣлый годъ одно и тоже суконное полукафтанье, и только по праздникамъ одѣвалъ онъ другую одежду, получше. Вся семья Кихады состояла изъ молоденькой племянницы, старой экономки, съ которою мы уже познакомились, и работника, исполнявшаго полевые и домашнія тяжелыя работы. Такая скучная, однообразная жизнь не могла удовлетворить Кихаду. Правда, для развлеченія, онъ охотился; онъ страстно любилъ рыскать по лѣсамъ и болотамъ, но охотиться нельзя было постоянно, и свободное время посвящалось чтенію рыцарскихъ романовъ.

Было это лѣтъ триста тому назадъ; старики еще отлично помнили подвиги рыцарей; подвиги эти расписывали и раскрашивали въ романахъ всякими чудесными вымыслами; рядомъ съ настоящими событіями можно было найти небывалые рассказы о чародѣяхъ, волшебникахъ и невозможныхъ приключеніяхъ. Кихада читалъ эти романы съ увлеченіемъ и вѣрилъ всему, что въ нихъ описывалось. Ему тѣсно становилось въ его будничной

обстановкѣ, хотѣлось тоже чѣмъ нибудь прославиться, совершать подвиги во имя добра и справедливости, пріобрѣсти себѣ цѣлое королевство... Онъ страстно полюбилъ чтеніе романовъ и не жалѣлъ денегъ на покупку книгъ. Иногда ему приходилось невыгодно продавать цѣлый участокъ имѣнія, чтобы только добыть необходимую сумму. Экономка сердилась, пасторъ доказывалъ ему, что онъ дѣлаетъ глупости, но Кихада никого не слушалъ и съ торжествомъ усаживался за новыя походы какого-нибудь бѣшеннаго Роланда или храбраго Родриго. Наконецъ, домашніе махнули на него рукой и предоставили его самому себѣ.

Въ тотъ день, съ котораго мы начинаемъ нашъ рассказъ, Кихада былъ особенно взволнованъ; его неотступно преслѣдовала одна и таже мысль: „Не можетъ быть, чтобы рыцарство, такое благородное, полезное учрежденіе исчезло безслѣдно; это было бы жестокою несправедливостью: что стали бы тогда дѣлать всѣ слабые, притѣсненные, угнетенные!“.. И вотъ, ему такъ ясно, такъ просто представилось, что онъ, Кихада, бѣдный дворянинъ Ламанчской деревни, предназначенъ самою судьбою поддержать честь падающаго учрежденія; онъ станетъ странствующимъ рыцаремъ, такимъ точно, о какихъ онъ читалъ въ романахъ, онъ поѣдетъ искать приключеній, будетъ служить чести и правдѣ, подражать тѣмъ славнымъ рыцарямъ, которыхъ онъ такъ полюбилъ, чьи подвиги онъ зналъ почти наизусть. Такія странныя мысли могли придти въ голову только при очень разстроенномъ воображеніи, но Кихада за послѣднее время такъ начитался всякихъ небывальщинъ, что почти потерялъ рассудокъ: все надуманное представлялось ему совсѣмъ простымъ, обыкновеннымъ, естественнымъ.

Нѣсколько дней онъ ходилъ, никого и ничего не видя, худо ѣлъ, мало спалъ, ночью вскакивалъ съ кровати и рылся въ своихъ книгахъ, спѣша разъяснить то или другое сомнѣніе. Онъ уже рѣшилъ, что возьмется за великое дѣло, къ которому, какъ ему казалось, подготовила его сама судьба; но рѣшеніе это доставляло ему не мало заботъ. Ему приходилось, во что бы то ни стало, сдѣлаться рыцаремъ, а это оказалось не такъ-то легко; нужно было, напримѣръ, прежде всего одѣться, какъ одѣвались рыцари. Кихада не могъ себѣ, даже, представить, чтобы можно было отправиться въ путь иначе: всѣ рыцари, о которыхъ онъ читалъ, имѣли латы, щиты, копья, мечи, — какъ же и ему обойтись безъ этихъ принадлежностей рыцарскаго достоинства? Въ чуланѣ, въ углу, въ пыли, онъ нашелъ старыя латы и оружіе, принадлежавшія, вѣроятно, кому-нибудь изъ его предковъ; онъ очень обрадовался этой находкѣ и принялся приводить ихъ въ порядокъ: собирать, скрѣплять, чистить. Въ вооруженіи недоставало, однако, очень важнаго предмета: вмѣсто шлема валялся только

старый шишакъ безъ забрала... Какъ бы помочь этому горю? Кихада, не долго думая, выкроилъ изъ лапки забрало и прикрѣпилъ его къ шишаку, вышло не дурно, и даже, повидимому, прочно. Чтобы испробовать крѣпость новаго своего шлема, Кихада хватилъ его изо всей силы мечемъ... Увы! весь его недѣльный трудъ погибъ въ одну секунду... Картонный шлемъ не выдержалъ, сплюснулся, разорвался, пришлось снова кроить и лѣпить. Онъ опять принялся за дѣло, для крѣпости вложилъ внутрь шлема желѣзные прутья, пришилъ зеленныя ленты въ видѣ завязокъ и остался вполнѣ доволенъ своею работою. Онъ уже не рѣшился снова пробовать крѣпость картоннаго шлема и занялся остальными приготовлениями. У каждого рыцаря былъ свой конь, свой вѣрный товарищъ, дѣлившій съ хозяиномъ и радость, и горе. Была и у Кихады лошаденка, тощая, долговязая, худая, какъ и самъ дворянинъ. Этотъ конь показался ему самымъ пригоднымъ, онъ не промѣнялъ бы его на самаго лучшаго скакуна въ мірѣ, а многочисленные недостатки его счастливый будущій рыцарь считалъ совершенствами. Дѣло стало за малымъ: надо было придумать достаточно звучное имя себѣ и коню, такое имя, чтобы оно легко могло прославиться, чтобы его знали и старый, и малый... Что же могло звучать лучше Донъ-Кихота Ламанческаго? Что всѣ рыцари прибавляли къ своему имени частичку: *Донъ*, что эта частичка принадлежала имъ по праву, въ этомъ не могло быть сомнѣнія; что *Кихотъ* звучало лучше Кихады, это тоже, какъ казалось новому рыцарю, сомнѣнію не подлежало; наконецъ, *Ламанчскій* онъ прибавилъ затѣмъ, чтобы вмѣстѣ со своими будущими подвигами прославить и свою родину, притомъ, такъ казалось гораздо внушительнѣе; онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что отъ одного этого имени побѣгутъ всѣ разбойники и мелкіе чародѣи, какихъ ему придется встрѣтить на пути. Но какъ назвать коня? Эта задача показалась ему труднѣе предыдущей: слѣдовало дать благородному животному достойную кличку, такую чтобы она осталась въ памяти у потомства, чтобы, вспоминая о славномъ рыцарѣ Донъ-Кихотѣ Ламанчскомъ, побѣдителя великановъ и злыхъ чародѣевъ, не забыли упомянуть и о его вѣрномъ товарищѣ, благородномъ конѣ, дѣлившемъ съ нимъ всѣ трудности боевой жизни. Это новое затрудненіе стоило Донъ-Кихоту опять четырехдневнаго раздумья: онъ перелистывалъ свои книги, выдумывалъ и отбрасывалъ разныя имена, наконецъ, остановился на томъ, что, по его мнѣнію, вполнѣ соответствовало его желаніямъ. „Моя лошадь была, пока я не избралъ ее себѣ конемъ, простою деревенскою клячею, пусть же за нею и останется прозвище Россинанта, т. е. клячи; это звучное прозвище укажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ каждому, что только славный рыцарь Донъ-Кихотъ возвысилъ ее на степень благороднаго боеваго коня, что до тѣхъ поръ она была ничѣмъ“... Теперь, по-

видимому, все было готово и Донъ-Кихотъ собрался было въ путь. Вдругъ его озарила еще мысль: какъ же у него не будетъ дамы, во имя которой онъ совершитъ всѣ подвиги? Какъ же вдругъ онъ побѣдитъ великана, и этому великану не къ кому будетъ идти рассказывать о подвигѣ Донъ-Кихота Ламанческаго? Въ романахъ побѣжденный рыцарь, великанъ, чародѣй посылался, обыкновенно, къ дамѣ, въ честь которой странствовалъ побѣдитель; онъ падалъ къ ея ногамъ и въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ извѣщалъ ее о новомъ подвигѣ ея почитателя. — Какъ же быть? Во что-бы то ни стало, надо было найти даму сердца. Вдругъ Донъ-Кихотъ вспомнилъ, что въ сосѣдней деревушкѣ Тобозо онъ видѣлъ молодую дѣвушку, Альдонзу Лоренцо, работающую, сильную, здоровую, самую настоящую крестьянку, прямо отъ сохи. Она ему всегда нравилась и теперь показалась самою подходящею дамою сердца; во имя ея онъ и рѣшилъ совершить всѣ свои будущіе подвиги. Его нисколько не смущало, что у рыцарей дамы сердца были герцогини и графини, а у него будетъ крестьянка, чтожъ такое! Для него Альдонза замѣнитъ герцогиню, а назоветъ онъ ее звучнымъ именемъ Дульцинеи Тобозской, что можетъ быть проще! И пусть только кто нибудь вздумаетъ усумниться въ томъ, что его Дульцинея не принцесса крови! — онъ сумѣетъ отстоять честь ея имени!

Наконецъ, всѣ препятствія устранены, завтра можно двинуться въ путь, поискать славы въ борьбѣ съ великанами, чародѣями и злыми рыцарями...

II.

На другое утро, чуть свѣтъ, Донъ-Кихотъ осѣдлалъ Россинанта, надѣлъ доспѣхи, укрѣпилъ на головѣ шлемъ, взялъ въ руки копье и выѣхалъ черезъ заднія ворота, ни слова не сказавши никому изъ домашнихъ. Прекрасное іюльское утро, удачное начало, осуществленіе давно задуманной мечты — все это привело Донъ-Кихота въ пріятнѣйшее расположеніе духа: онъ повторялъ въ своемъ умѣ всѣ подходящіе эпизоды изъ читаннаго, какъ вдругъ его озарила новая мысль: вѣдь онъ еще никѣмъ не посвященъ въ санъ рыцаря! А, между тѣмъ, по рыцарскимъ уставамъ, онъ не имѣлъ права вступать въ бой съ благороднымъ рыцаремъ до тѣхъ поръ, пока надъ нимъ самимъ не совершится обрядъ посвященія. Въ раздумьи, онъ не зналъ, что дѣлать, и жалѣлъ уже, что такъ поспѣшно выѣхалъ изъ дому; тамъ онъ могъ бы перерыть всѣ рыцарскія книги и доискаться способа, какъ помочь горю. Онъ сталъ перебирать въ памяти все читанное и вспомнилъ нѣсколько случаевъ, гдѣ рыцари просили перваго встрѣчнаго

посвятить ихъ. „Такъ сдѣлаю и я!“ думалъ Донъ-Кихотъ, „заѣду въ первый попавшійся замокъ и попрошу владѣльца замка посвятить меня въ санъ рыцаря!“

Сказано — сдѣлано. Съ спокойною совѣстью опустилъ Донъ-Кихотъ поводья Россинанта въ полной увѣренности, что судьба направитъ его коня, куда слѣдуетъ. Что его ожидаетъ чудесное, сверхъестественное — въ этомъ онъ былъ убѣжденъ и молилъ только объ одномъ, чтобы предназначенные ему подвиги не подоспѣли ранѣе посвященія его въ рыцари. Однако, онъ ѣхалъ часъ, два, три, полдня, день, Россинантъ началъ уже спотыкаться отъ усталости, и между тѣмъ, ничего особеннаго не встрѣчалось. Одинокая, пустынная дорога, два, три встрѣчныхъ крестьянина, даже ни одной хижины, гдѣ-бы можно было отдохнуть и подкрѣпиться, а, между тѣмъ, уже наступала ночь... Донъ-Кихотъ началъ терять терпѣніе, какъ вдругъ вдали показалась скромная гостинница.

— А, вотъ, наконецъ, и замокъ! подумалъ Донъ-Кихотъ и прищиприлъ Россинанта.

Подѣхавъ поближе, онъ замѣтилъ у воротъ двухъ женщинъ, и принялъ ихъ за обладательницъ замка, а между тѣмъ это были самыя простыя деревенскія дѣвушки, одна дочь лоскутника, а другая — дочь мельника. Вполнѣ увѣренный, что видитъ передъ собою прекрасный замокъ съ башнями, рвами, бойницами и зубчатыми стѣнами, Донъ-Кихотъ приостановилъ коня. Онъ ждалъ, что карликъ, какъ это описывалось въ романахъ, возвѣститъ о его прибытіи трубнымъ звукомъ. Въ это время, дѣйствительно, свинопасъ, возвращаясь съ поля, заигралъ на рожкѣ какую-то пѣсенку; при этихъ звукахъ у Донъ-Кихота не осталось болѣе сомнѣнія въ его мыслахъ, онъ ловко подскакалъ къ мнимымъ красавицамъ, почтительно поклонился и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ сталъ просить гостепріимства. Дѣвушки расхохотались при видѣ его смѣшной, долговязой фигуры; онѣ продолжали смѣяться, когда онъ называлъ ихъ „прекрасными, благородными дамами“. Донъ-Кихотъ уже началъ раздражаться, слыша ихъ смѣхъ, и неизвѣстно, чѣмъ-бы все это кончилось, если бы не подоспѣлъ самъ трактирщикъ. Онъ тоже было покатился со смѣху, но, смекнувъ, что у гостя въ головѣ не все въ порядкѣ, живо сообразилъ, какъ надо дѣйствовать.

Онъ отвѣчалъ Донъ-Кихоту тоже почтительно и вѣжливо и просилъ его войти. Обѣ дѣвушки послѣдовали за ними. Донъ-Кихотъ попросилъ позаботиться о его прекрасномъ конѣ, Россинантѣ, а его, странствующаго рыцаря, Донъ-Кихота Ламанческаго, приютить и накормить, прибавивъ, что онъ непривыкъ и привыкъ ко всякимъ лишеніямъ.

— О, что касается лишеній, то въ этомъ домѣ вы можете пере-

носить ихъ, сколько угодно, безъ сна можете провести хоть цѣлые годы, потому что не найдете ни одной постели, что-же касается ѣды, то я предлагаю вамъ полакомиться хлѣбомъ и форельками.

Донъ-Кихотъ на все согласился. Ему принесли протухшихъ форелекъ и черстваго хлѣба; но ленты у его плеча какъ-то запутались, и какъ ни старались обѣ дѣвушки, онѣ не могли развязать узла, разрѣзать же ленту Донъ-Кихотъ не позволилъ. Шлемъ съ затянутыми завязками такъ мѣшалъ ему ѣсть, что его надо было кормить и поить, придерживая забрало, но онъ мужественно переносилъ эти неудобства и, между прочимъ, объяснялъ слушателямъ свои планы и надежды. Покушавъ, онъ бросился на колѣни передъ трактирщикомъ, называлъ его храбрымъ кастелляномъ и умолялъ посвятить его въ санъ рыцаря.

— Позвольте мнѣ, по древнимъ рыцарскимъ обычаямъ, провести ночь на стражѣ моего оружія въ вашей часовнѣ, окажите мнѣ эту милость, и я буду благословлять тотъ часъ, когда я очутился подъ кровлею вашего замка!

Трактирщикъ смѣялся въ душѣ, но не смѣлъ прекословить гостю.

— Благородный рыцарь, часовня у меня еще строится, и потому не угодно ли вамъ сторожить оружіе подъ открытымъ небомъ?

Донъ-Кихотъ согласился.

— Завтра-же утромъ я васъ посвящу въ санъ рыцаря со всѣми подобающими церемоніями. Есть ли съ вами деньги?

Донъ-Кихотъ отвѣчалъ, что онъ не слышалъ, чтобы рыцари брали съ собою въ дорогу деньги, но мнимый кастеллянъ очень серьезно убѣдилъ его запастись не только деньгами, но и бѣльемъ, мазью отъ ранъ а, главное, смышленнымъ оруженосцемъ.

— Когда я васъ посвящу, вы отправьтесь домой, захватите все это и тогда уже съ Богомъ, поѣзжайте странствовать.

Донъ-Кихотъ принялъ его совѣтъ, положилъ оружіе на корыто, у колодца и расположился сторожить его. Трактирщикъ рассказалъ своимъ посѣтителямъ о полоумномъ гостѣ, и всѣ съ любопытствомъ смотрѣли издали, какъ онъ мѣрно шагаль подлѣ корыта, сложивъ руки на груди и опустивъ голову. Мѣсяцъ серебрился на его доспѣхахъ, обливая загадочнымъ свѣтомъ не менѣе загадочную фигуру этого ночного привидѣнія. По временамъ Донъ-Кихотъ останавливался и долго стоялъ въ одномъ положеніи, не спуская глазъ съ оружія. Вдругъ одному погонщику муловъ вздумалось напоить свое стадо: онъ направился къ колодцу и безъ церемоніи взялся за корыто.

Донъ-Кихотъ вообразилъ передъ собою рыцаря, желающаго овладѣть его доспѣхами.

— Дерзкій рыцарь! Опомнись и не прикасайся, если ты не хочешь разстаться съ жизнью! вскричалъ онъ.

Но погонщикъ не обратилъ вниманія на его слова и сбросилъ латы на землю. Тогда Донъ-Кихотъ поднялъ глаза къ небу и проговорилъ:

— О, Дульцинея, къ тебѣ обращаю я свои мольбы, окажи мнѣ помощь въ этомъ моемъ первомъ подвигѣ!

Говоря эти слова, онъ съ яростью бросился на погонщика, и такъ хватилъ его копьемъ въ голову, что тотъ упалъ за-мертво. Донъ-Кихотъ же, не обращая на него вниманія, вернулся къ оружію, сложилъ все опять на корыто и опять зашагалъ, охраняя его.

На бѣду, другому погонщику тоже занудобилось поить муловъ, онъ тоже пошелъ къ колодцу и тоже сбросилъ латы. Донъ-Кихотъ, не говоря ни слова, и его поразилъ своимъ копьемъ, такъ что раненый поднялъ крикъ на весь дворъ. Сбѣжались люди; Донъ-Кихотъ поручилъ себя своей высокой покровительницѣ, закрылся щитомъ и поднялъ копье, но на него посыпался цѣлый градъ каменьевъ... Неизвѣстно, чѣмъ-бы все это кончилось, если бы не выбѣжалъ трактирщикъ; увидѣвъ, въ чемъ дѣло, онъ сталъ унимать расходившихся крестьянъ.

— Оставьте его, вы видите, человѣкъ не въ своемъ разсудкѣ, вонъ, какое у него копьище, онъ всѣхъ васъ перебьетъ и спросу съ него не будетъ! Подождите, я его какъ-нибудь спроважу отсюда!..

Толпа унялась, раненыхъ подобрали, а трактирщикъ подошелъ къ Донъ-Кихоту и сказалъ:

— Благородный рыцарь, простите грубой черни ея дерзость! Все, что съ вами случилось, достаточно уже свидѣтельствуешь о вашей храбрости и о томъ, что вы достойны званія рыцаря; вы были уже на стражѣ вашего оружія часа четыре — я нахожу это вполне достаточнымъ и готовъ посвятить васъ сейчасъ-же въ званіе рыцаря.

Донъ-Кихотъ всему повѣрилъ, а хитрый трактирщикъ, для большей торжественности, велѣлъ принести книгу, въ которую онъ записывалъ оvesъ, отпущенный въ долгъ; дѣлая видъ, что читаетъ по ней молитвы и заклинанія, онъ держалъ мечъ надъ головою колѣнопреклоненнаго Донъ-Кихота. Обѣ дѣвушки стояли тутъ-же, едва удерживаясь отъ смѣху, а трактирщикъ далъ вновь посвященному рыцарю такіе два удара по плечу, что кости у него затрещали. Однако, онъ мужественно перенесъ боль, какъ и подобало храброму рыцарю. Дѣвушки опоясали его мечемъ и надѣли ему шпоры.

— Да будетъ нашъ благородный рыцарь счастливѣйшимъ изъ рыцарей, и да сопровождаетъ его удача во всѣхъ его подвигахъ! сказали онѣ, съ трудомъ удерживая серьезный видъ.